

Образ человека эпохи Просвещения: портрет А.Я. Протасова из собрания Государственного Эрмитажа

Анна Д. Акилова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, rad.1994@mail.ru*

Аннотация. Особое развитие идей Просвещения в России, неразрывно связанное с религиозно-нравственными понятиями, нашло отражение в отечественной портретной живописи второй половины XVIII в., повлияв на консервацию некоторых ее архаичных черт. Портрет государственного деятеля А.Я. Протасова в кабинетном интерьере сообщает о важнейших карьерных достижениях модели, среди которых работа в Уложенной комиссии 1767–1768 гг., объединившей в те годы все сословия Российской империи. В память об этом событии депутатам вручалась памятная медаль «Депутатам уложенной комиссии», которая обнаруживается на целом ряде провинциальных портретов последней трети XVIII в., в том числе и на портрете А.Я. Протасова. Вовлеченность различных сословий в разработку проекта Нового уложения стала одной из причин укрепления самосознания представителей незнатных сословий, что способствовало развитию портретной живописи на просторах русской провинции. Портрет Протасова, ориентированный на столичные образцы, иллюстрирует соприкосновение столичного искусства и его более архаичной ветви – провинциального портрета – являясь отражением тенденций развития русского искусства Нового времени.

Ключевые слова: русская портретная живопись XVIII в., эпоха Просвещения, русский провинциальный портрет.

Для цитирования: Акилова А.Д. Образ человека эпохи Просвещения: портрет А.Я. Протасова из собрания Государственного Эрмитажа // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 3. С. 101–115. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-3-101-115

The man's image of the Age of Enlightenment.
Portrait of A.Ya. Protasov
from the collection of the State Hermitage Museum

Anna D. Akilova

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, pad.1994@mail.ru

Abstract. The special development of Enlightenment ideas in Russia, inextricably linked to religious and moral concepts, was reflected in Russian portrait painting of the second half of the 18th century, influencing the conservation of some of its archaic features. The portrait of the statesman A.Ya. Protasov in the cabinet interior conveys information on the most important career achievements of the model, including work in the Legislative Commission of 1767–1768, which united all estates of the Russian Empire in those years. In memory of the event, deputies were presented with a commemorative medal “To the Deputies of the Legislative Commission”, which is found on a number of provincial portraits of the last third of the XVIII century, including the portrait of A.Ya. Protasov. The involvement of various estates in the development of the draft New Code became one of the reasons for strengthening the self-awareness of representatives of the non-noble estates, which contributed to the development of portraiture in the vast Russian provinces. Protasov's portrait, focused on metropolitan samples, illustrates the contact between metropolitan art and its more archaic branch – provincial portrait – reflecting the trends in the development of Russian art of the New Age.

Keywords: Russian portrait painting of the 18th century, the Age of Enlightenment, Russian provincial portrait

For citation: Akilova, A.D. (2025), “The man's image of the Age of Enlightenment. Portrait of A.Ya. Protasov from the collection of the State Hermitage Museum”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 3, pp. 101–115, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-3-101-115

Культура французского Просвещения стала идейно-философским фундаментом европейского искусства во второй половине XVIII в. Деятельность Дени Дидро (1713–1784) порождает тип человека новой эпохи – блистательного интеллектуала-философа, государственного деятеля, радеющего за общественные перемены. Неслучайно, идеал просвещенного человека, по мнению Д. Дидро, был связан не только с образованием:

Существует разница между образованным человеком и просвещенным человеком, – образованный человек знает вещи, а просвещенный человек еще знает, как правильно их применить¹.

Именно это время становится веком социальных утопий и грандиозных планов государственного переустройства, воспламененное сочинениями французских энциклопедистов – Вольтера, Дидро, Монтескье и др., чья литературная деятельность на несколько десятилетий – с 1750-х по 1780-е гг. – становится мощным фактором европейской культурной глобализации, в основе которой лежал рационализм, идеи естественных принципов человеческой жизни² и индивидуализма.

Однако идеи Просвещения, вступая во взаимодействие с национальной культурной, получали различное прочтение [Круглов 2023а, с. 16]. Так, современные исследования приходят к выводам о том, что особенность философии русского Просвещения заключается в ее органичном сплетении с русскими религиозно-нравственными понятиями той поры, что нашло отражение в литературных произведениях последней трети XVIII в. – в сочинениях Н.И. Новикова «Утренний свет» (1780), М.М. Снегирева «Слово о пользе нравственного просвещения» (1797), Ф.А. Малиновского «Слово о неразрывной связи истинного просвещения с благочестием» (1798) [Круглов 2023а, с. 235]. Взгляд на русское искусство XVIII в. с позиций современных исследований развития отечественной философской мысли позволит по-новому осмыслить идейную программу портретного образа человека эпохи Просвещения, а также проблему сосуществования архаичных и новаторских тенденций в русском искусстве Нового времени.

Благодаря стремительному распространению гравюрных копий портретов известнейших европейских просветителей и ученых (портрет Д. Дидро (1767 г., Луи-Мишель ван Лоо), портрет известного математика Л. Эйлера (Я.Э. Хандманн, 1756 г. Немецкий музей в Мюнхене), портрет поэта и драматурга Ж.Б. Руссо (1738 г., Ж. Авед), и др. культура Просвещения обогатила русскую портретную живопись еще одним амплуа – образом интеллектуала в домашнем облачении – “en déshabillé”, или же “en robe de chambre”, изображенным в кабинетном интерьере. Этот тип полупарадного

¹ *Diderot D.* L'Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, 1re éd, texte établi par D'Alembert, Diderot, 1751. Т. 5. Р. 269.

² *Кареев Н.И.* Просвещение // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1898. Т. 25. С. 469.

портрета оставался популярен в русском искусстве на протяжении второй половины XVIII в.

Примечательно, что в отличие от традиционного парадного изображения, где одетия модели сообщали информацию о ее сословном положении, портрет в домашнем халате обращал внимание прежде всего на предметное окружение модели, а также атрибуты, указывающие «на напряженную интеллектуальную деятельность на благо государства» [Карев 2023, с. 934] в стремлении воплотить образ «совершенного придворного»³, описанный Б. Кастильоне еще в 1528 г. и переосмысленного Г.Р. Державиным в 1794 г. в стихотворении «Вельможа» [Лебедев 1993, с. 181]. Кроме того, во второй половине XVIII в., на фоне развития идей Просвещения, в России появляется мода на создание кабинетов – помещений «для ученых занятий» [Кулакова 2008]. Интерьер кабинета становится частью портретного образа⁴, который стремится подчеркнуть, что у его владельца «больше вкуса чем богатства»⁵. По этой причине портрет в кабинетном интерьере чаще всего представлял модель за столом, в окружении книжных полок, фолиантов, коллекций, физических приборов и глобусов [Кулакова 2002]. К одним из таких ранних вариантов «кабинетного» портрета относится портрет государственного деятеля Александра Яковлевича Протасова (1742–1799) из собрания Государственного Эрмитажа (вторая половина XVIII в., рис. 1) – один из немногих провинциальных портретов “en robe de chamber”.

Протасов происходил из старинного дворянского рода и более всего известен как один из воспитателей великого князя Александра Павловича (с 1783 по 1794 гг.). Александр Яковлевич всю свою жизнь занимал высокие руководящие должности в различных губерниях – Владимирской, Смоленской, Новгородской⁶, кроме

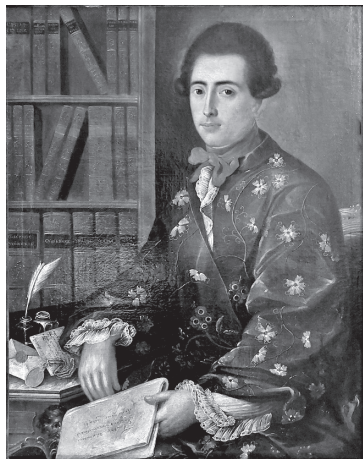
³ *Кастильоне Бальдассаре*. Придворный / Пер. О.Ф. Кудрявцева // Сочинения великих итальянцев XVI в. / Сост., вступ. ст., коммент. Л.М. Брагиной. СПб.: Алетей, 2002. С. 187–247.

⁴ «Салоны» Дидро: Выставки современного искусства в Париже XVIII века: издание к выставке в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, 6 июня – 1 октября 2023 г. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2023. 391 с.

⁵ *Diderot D.* “Regretsurma vieille robe de chamber ou avis à ceux qui ont plus de goûtque de fortune” // Correspondance litteraire, philosophique et critique / Ed. Par M. Tourneux. P., 1879. T. VIII. P. 18.

⁶ Указ императрицы Екатерины II из Правительствующего Синода о назначении на должность правителя Новгородского наместничества А.Я. Протасова статского советника, вице-губернатора Смоленской губернии от 4 октября 1782 г. // ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1662. Л. 217, 217 об.

того был одним из депутатов, принимавших участие в составлении Нового Уложения 1767–1768 гг. Начало Русско-турецкой войны 1769–1774 гг. прервало законотворческую деятельность Протасова, и он, как и многие его коллеги, отправился на фронт, а в 1774 г. был возвращен «за болезнью»⁷, получил чин полковника и продолжил государственную службу.

*Рис. 1. Неизвестный художник. Портрет А.Я. Протасова
Вторая пол. XVIII в. Холст, масло. 91 × 69 см
Государственный Эрмитаж. Инв. № ЭРЖ-1876*

Известно, что А.Я. Протасов проявлял искренний интерес к литературным произведениям эпохи Просвещения:

...был автором двух переводов с фр. – комедий «Шотландка» Вольтера (1763) и «Две турецкие вдовы» Ж.-Ф. Пуллена де Сен-Фуа (1774; переизд. 1775). Переводчику удалось передать «реалистическую» манеру первой комедии, живость и остроумие второй. Переводы, однако, не попали на сцену⁸.

По этой причине нам представляется закономерным, что Протасов предпочел предстать в образе философа-мыслителя и портре-

⁷ Клокачев П. Протасов А.Я. // Русский биографический словарь. Т. 15: Притвиц – Рейс. Т. 15. 1910. 560 с.

⁸ Словарь русских писателей XVIII века / РАН, ИРЛИ (Пушкинский Дом); Отв. ред. А.М. Панченко. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2 (К-П). С. 75–76.

тироваться в серовато-синем шлафроке из шелковой жаккардовой ткани, украшенным изящным орнаментом, состоящим из ярко-алых гвоздик. Портретный образ Протасова словно воплощает облик образцового подданного эпохи Просвещения, описанный Д. Дидро:

Каждое общество имеет свое правительство, а каждому образу правления свойственно одно главное, преобладающее качество, реальное или вымышленное, это и есть душа, краеугольный камень и движущая сила данного общества. Республика – это государство равноправных граждан. Любой ее гражданин сознает себя маленьким монархом. Отсюда облик республиканца – высокомерный, суровый и гордый. В монархическом же государстве, где одни повелевают, а другие повинуются, характер и облик человека будут отличать приветливость, грация, мягкость, благородство и галантность⁹.

Эти социально-значимые черты транслируются деталями предметного окружения модели, привлекая внимание зрителя к деловым качествам изображенного государственного служащего. Более того, наиболее важные детали портрета выделены красными оттенками, среди них не только шейный алый платок и расшитый шлафрок, книжный шкаф, а также алая печать на конверте на письменном столе. Кроме того, красный шейный платок, элегантно дополнивший вышитый цветочным узором шлафрок, сообщает о развитом эстетическом вкусе модели.

Портрет А.Я. Протасова вероятно написан в период 1767–1768 гг., сообщая о причастности модели к деятельности по составлению проекта Нового Уложения, когда Александр Яковлевич являлся депутатом от Гороховецкого уезда Владимирской губернии, и, вероятно, именно там неизвестным провинциальным художником и был создан портрет, что объясняет некоторую парсунную архаичность художественного языка, свойственную провинциальной портретописи. Разглядывая плохо сохранившуюся надпись на небольшом письме в левом углу портрета, можно разобрать отдельные слова «Александр», «Почтенному», «почтить», «до двора». На документе в руках модели, несмотря на реставрационные тонировки, ясно читается слово «Приказ». Модель изображена в кабинетном интерьере, что, с одной стороны, связано с распространением кабинета как специализированного помещения, отражающего рост индивидуализма личности [Зидер 1997, с. 137] во второй

⁹ Дидро Д. Салоны: В 2 т.: Перевод с фр. / Вступ. ст., с. 5–22, сост., общ. ред. Л.Я. Рейнгардт; Примеч. Е.Ю. Сапрыкиной. Т. 1. М.: Искусство, 1989. С. 221.

половине – конце XVIII в., а с другой стороны, с развитием «кабинетного» портрета под влиянием западноевропейской традиции изображения представителей интеллектуальной элиты – философов, ученых, писателей, художников, нередко выходцев из «низкого» сословия [Гаврин 2004]. Атрибуты на портретах такого типа предстают визуальным текстом, повествуя об интеллектуальной деятельности модели. Так, за спиной Протасова на полках книжного шкафа мы видим такие издания, как «Соборное уложение», «Судебник», а также несколько томов «Указов». На столе среди письменных принадлежностей нарочито продемонстрирована екатерининская медаль «Депутатам уложенной комиссии» (рис. 2), которой на заседании 9 августа 1767 г. в Москве [Изотова 2010, с. 85–86] были награждены 652 члена уложенной комиссии.

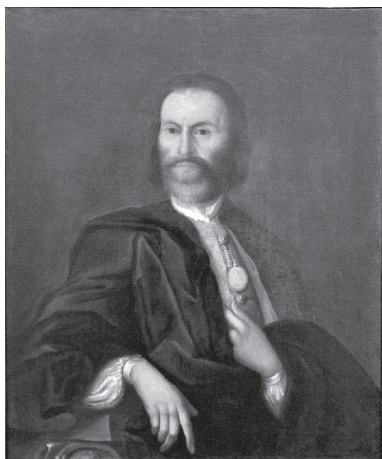
Рис. 2. Неизвестный художник.

Медаль для депутатов Комиссии по составлению «Нового Уложения». Лицевая и оборотная стороны. После 1766 г. Олово. 157 аукцион Kuenker

Дабы члена комиссии о сочинении Уложения узнать можно было, то носить им всем знаки одинаковые, к тому от Нас определенные, которые во всю жизнь им останутся. Депутатам же дворянам по окончании сего дела, а не прежде, дозволяется сии знаки в гербы свои поставить, дабы потомки узнать могли, какому великому делу они участниками были¹⁰ –

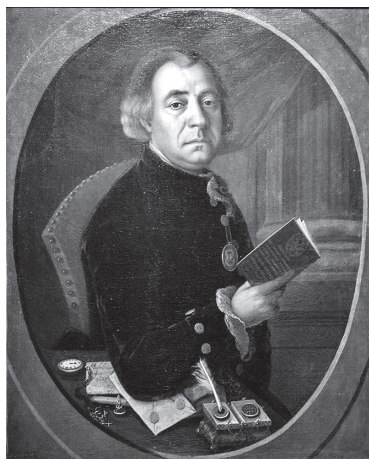
¹⁰ Приказ императрицы Екатерины II 12.801 от 14 декабря 1767 г. «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения, и о выборе в оную Депутатов» // Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб., 1830. С. 1092–1110.

значилось в указе императрицы. Эта овальная медаль с лицевой стороны обозначалась вензелем Екатерины II, на оборотной стороне медали «изображена коронованная пирамида, олицетворявшая закон, в окружении легенды “Блаженство каждого и всех”. Под обрезаем расположена дата: «1766. года. декаб: 14»¹¹.

*Рис. 3. Неизвестный художник
Портрет ростовского купца
Михаила Васильевича
Серебренникова. 1772 г.*

*Холст (дублирован), масло. 85 × 69 см
Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», Инв. № Ж-276*

*Рис. 4. Неизвестный художник
Портрет купца
Федора Федоровича Гундорова.
Вторая половина XVIII в.*

*Холст, масло. 75 × 94 см
Государственная Третьяковская
галерея*

Должность депутата давала множество привилегий: «Во всю жизнь свою всякий Депутат свободен, в какое ни впал бы прегрешение: 1) от смертной казни; 2) от пыток; 3) от телесного наказания»¹². Медаль «Депутатам уложенной комиссии» была предметом

¹¹ Каталог Виртуального Русского музея. Описание медали для депутатов комиссии по составлению Нового Уложения. URL: https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/numismatics/neizvestniy_avtor._medal_dlya_deputatov_komissii_po_sostavleniyu_novogo_ulozheniya._1766._med.a-486_/index.php (дата обращения 10 августа 2024).

¹² Приказ императрицы Екатерины II 12.801 от 14 декабря 1767 г. «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения, и о выборе в оную Депутатов».

особой гордости, по этой причине ее можно обнаружить на многих портретах последней трети XVIII в., в том числе провинциальных – например, на портрете ростовского купца Михаила Васильевича Серебренникова (1772 г., рис. 3) или на портрете купца Федора Федоровича Гундорева (вторая пол. XVIII в., рис. 4), где указанная медаль изображена на груди купца. Особенности изображения атрибутов на портретах Протасова и Гундорева обнаруживают сходство: письменные принадлежности словно соскальзывают со стола, не подчиняясь его плоскости и перспективе, кроме того, рисунок драпировок и кистей рук на портрете Протасова выдает особую иконописную технику, на которую опирался провинциальный живописец.

Можно сделать вывод о том, что участие различных сословий в работе Уложенной комиссии стало одной из причин укрепления сословного самосознания мещанства, крестьянства и купечества, простимулировав развитие портретной живописи на просторах русской провинции.

*Рис. 5. Д.Г. Левицкий (1735–1822)
Портрет неизвестного
1781 г. Холст, масло. 79,5 × 66,5 см
Государственный художественный
музей БССР. г. Минск*

*Рис. 6. Ж.Л. Вуаль
(1744– после 1803?)
Портрет И.П. Елагина
1789 г. Холст, масло. 131 × 97,5 см
Государственный Русский музей
Инв. № Ж-5388*

В то же время, портрет Протасова ориентирован на столичные образцы, олицетворяющие дух екатерининской эпохи – этому

портрету наиболее близки по композиции портрет неизвестного кисти Левицкого (1781 г., рис. 5) и портрет И.П. Елагина кисти Жана Луи Вуаля (1789 г., рис. 6). С первым произведением портрет Протасова, на наш взгляд, сближает программное сходство:

В этой работе Левицкий в наибольшей из всех отечественных мастеров приближается к так называемому жанровому портрету, распространенному в западноевропейских школах: непосредственная апелляция к зрителю воспринимается в нем как краткая пауза в кабинетных занятиях [Карев 2003, с. 80].

Однако при очевидном стремлении Протасова соответствовать столичной придворной моде, творческая задача и ее воплощение создают интригующий контраст. С одной стороны, композиция и набор атрибутов стремятся придать образу светскую непринужденность, однако с другой стороны, наблюдается нехарактерные для портрета “*en robe de chambre*” скованность позы, ее статичная привязанность к вертикальной оси, а также эмоциональная замкнутость выражения лица – что скорее типично для провинциального портрета [Акилова 2024]. Очевидна приверженность художника архаичной художественной традиции – подчеркнутой парсунной статике композиции, теплого цветового колорита с иконописно-контрастной моделировкой карнации и причудливой перспективой предметного окружения. Подобный результат синтеза архаичного художественного языка и идейного новаторства сообщает портрету Протасова особое своеобразие, выделяя его на фоне потока более академических, но иной раз менее интересных с художественной точки зрения произведений.

В контексте рассмотрения тенденций архаизации в русской портретной живописи эпохи Просвещения следует коснуться вопроса усвоения европейского образца, что позволит прояснить некоторые особенности сосуществования архаичных парсунных и столичных европейских тенденций в отечественной портретной живописи XVIII в. Существует распространенное мнение о том, что в XVIII в. русский портрет несколько запаздывал в восприятии репрезентативности по сравнению с европейской живописью, где парадное изображение начинало переживать кризис, – в то время как «в России демонстрация социальной роли отличалась крайне серьезным отношением, которое было в меньшей степени свойственно другим странам» [Абрамкин 2020, с. 116]. Кроме того, в России позднее появляется камерный портрет, что Яблонская объясняет так:

Причиной «запаздывания» русской школы в этом процессе является скорее всего более позднее сложение традиции портретирования вообще и необходимость преодолеть средневековые основы в понимании художественного творчества как внеиндивидуального, сохранявшиеся в виде пережитков сознания еще и на протяжении первой половины XVIII в. [Яблонская 1978, с. 68].

Подчеркнутая репрезентативность и связанная с ней дистанцированность образа сохранялась в «кабинетном» портрете значительно дольше, особенно это касается провинциального портрета второй половины XVIII – середины XIX в., для которого камерность и психологизм так и не стали свойственными.

Принимая во внимание особенное понимание идей Просвещения в России, учитывая их апелляцию к религиозно-нравственным понятиям, «запаздывание» русского искусства, на наш взгляд, предстает в несколько ином свете – не как отставание, но как продолжительный поиск национальной идентичности, в процессе которого «примерялись» различные европейские портретные тенденции, некоторые черты которых впоследствии охотно сохранялись, иные же отсеивались и не получали значительного развития, вступая в противоречие с русской культурой того времени. Самой стойкой к внешнему культурному воздействию оказывалась архаизирующая линия отечественного искусства [Евангулова, Карев 1994], к которым можно отнести иконопись, провинциальный портрет и народное искусство, связанные с особым традиционным мировоззрением, в котором прослеживаются черты уклада допетровской Руси.

Однако избирательность усвоения европейских художественных тенденций проявлялась и ранее, в первой половине XVIII в., когда в некоторых случаях наблюдалась трансформация манеры европейского художника в сторону большей «парсунности», например, это обнаруживается на портретах Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны кисти Л. Каравака, стремясь к созданию нового «сакрализованного образа богоизбранного монарха» [Карев 2000, с. 176]. Этот важный пример, на наш взгляд, показывает не столько «обрусение» иностранного мастера, сколько русские эстетические и культурные ориентиры эпохи первой половины XVIII в., для которой, несмотря на петровские реформы и все попытки порвать с древнерусской культурой, ориентация на сакральный мир иконы и ее воплощения в парсуне оставались доминантой даже в сознании русских императриц вплоть до воцарения Екатерины II, когда происходит очередной этап вестернизации русского искусства. Впрочем, даже в первые годы ее правления ее парадные изображения кисти И.П. Аргунова, П.А. Ротари, С. Торелли и В. Эриксона

еще сохраняют «статичность сакрализованного иконного предстания» [Карев 2000, с. 180]. В провинциальной живописи эти черты сохранялись значительно дольше, что привело к сложению особенного изобразительного языка провинциального портрета, отталкивающегося от традиций парсуны и постепенно трансформировавшего и расширившего ее художественный арсенал.

Сегодня, когда все большее внимание исследователей привлекает проблема национального своеобразия отечественного искусства, портрет А.Я. Протасова иллюстрирует особый национальный колорит русской живописи, а также соприкосновение столичного искусства и его более архаичной ветви – провинциального портрета, являясь отражением важного эволюционного этапа развития русского искусства и передавая давность причудливой эпохи XVIII столетия, когда русское искусство стояло на пороге открытий Нового времени.

Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность Н.Ю. Бахаревой, старшему научному сотруднику Отдела истории русской культуры Государственного Эрмитажа за помощь в атрибуции медали для депутатов Комиссии по составлению «Нового Уложения», изображенной на портрете А.Я. Протасова.

Acknowledgements

The author expresses his sincere gratitude to N.Y. Bakhareva, senior researcher at the Department of the History of Russian Culture at the State Hermitage Museum for her help in attributing the medal for the deputies of the Commission for the drafting of the “New Code” depicted in the portrait of A.Ya. Protasov.

Источники

Дидро Д. Салоны: В 2 т.: Пер. с фр. / Вступ. ст., сост., общ. ред. Л.Я. Рейнгардт; Примеч. Е.Ю. Сапрыкиной. М.: Искусство, 1989. Т. 1. 267 с.

Кастильоне Балдассаре. Придворный / Пер. О.Ф. Кудрявцева // Сочинения великих итальянцев XVI в. / Сост., вступ. ст., коммент. Л.М. Брагиной. СПб.: Алетейя, 2002. [1] с.; С. 187–247. Приказ императрицы Екатерины II 12.801 от 14 декабря 1767 г. «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения, и о выборе в оную Депутатов» // Россия. Законы

- и постановления. Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб., 1830. С. 1092–1110.
- Указ императрицы Екатерины II из Правительствующего Синода о назначении на должность правителя Новгородского наместничества А.Я. Протасова статского советника, вице-губернатора Смоленской губернии от 4 октября 1782 г. // ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1662. Л. 217, 217 об.
- Diderot D.* L'Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, 1re éd, texte établi par D'Alembert, Diderot, 1751. Т. 5. 269 p.
- Diderot D.* Regrets sur ma vieille robe de chamber ou avis à ceux qui ont plus de goût que de fortune // Correspondance litteraire, philosophique et critique / Ed. Par M. Tournoux. P., 1879. Т. VIII.

Литература

- Абрамкин 2020 – *Абрамкин И.А.* Типологические характеристики парадного и камерного изображения в русской портретной живописи XVIII в. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 4. С. 112–127. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-4-112-127.
- Акилова 2024 – *Акилова А.Д.* Русский провинциальный портрет второй половины XVIII – середины XIX в.: Особенности художественной эволюции: Дис. ... канд. искусствоведения. М., 2024. 343 с.
- Гаврин 2004 – *Гаврин В.В.* «Оттого-то Урания старше Клио...»: «Атрибуты ученичества» в русском портрете эпохи Просвещения // Неприкосновенный запас. 2008. № 6 (38). С. 101–105.
- Евангулова, Карев 1994 – *Евангулова О.С., Карев А.А.* Портретная живопись в России второй половины XVIII в. М.: Изд-во МГУ, 1994. 196 с.
- Зидер 1997 – *Зидер Р.* Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX в.). М., 1997. 302 с.
- Изотова 2010 – *Изотова М.А.* Ордена и медали России и СССР. Ростов н/Д.: Владис, 2010. 736 с.
- Карев 2000 – *Карев А.А.* Портретный образ в контексте русской художественной культуры XVIII века: Межвидовые проблемы портрета на рубеже барокко и классицизма: Дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2000. 318 с.
- Карев 2003 – *Карев А.А.* О сословном идеале в русском портрете XVIII в. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2003. № 6. С. 72–92.
- Карев 2023 – *Карев А.А.* Портретная живопись // История русского искусства: В 22 т. Т. 13: Искусство провинции второй половины XVIII века: В 2 полутомах / Отв. ред. Г.К. Смирнов. Полутом 2. М.: Гос. ин-т искусствознания, 2023. С. 910–953
- Круглов 2023а – *Круглов А.Н.* Кантовское понятие просвещения и его альтернативы // Кантовский сборник. 2023 Т. 42. № 2. С. 16–39.

- Круглов 2023b – *Круглов А.Н.* О понятии просвещения в русской философии XVIII века // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 225–245.
- Кулакова 2002 – *Кулакова И.П.* Кабинет как атрибут интеллектуального быта // Философский век. Альманах 22. Науки о человеке в современном мире. Ч. 2. СПб., 2002. С. 50–56.
- Кулакова 2008 – *Кулакова И.П.* История интеллектуального быта и российская традиционная культура: Кабинет отца во впечатлениях детства (конец XVIII – начало XX в.) // Какорея: Из истории детства в России и других странах: Сб. статей и материалов. М.; Тверь, 2008. С. 47–61.
- Лебедев 1993 – *Лебедев А.В.* Эпоха Просвещения и искусство портрета в русской провинции // Культура эпохи Просвещения. Б.м. 1993. С. 179–211.
- Яблонская 1978 – *Яблонская Т.В.* Классификация портретного жанра в России XVIII века: К проблеме национальной специфики: Дис. ... канд. искусствоведения. М., 1978. 205 с.

References

- Abramkin, I.A. (2020), “Typological characteristics of ceremonial and chamber image in the Russian portrait painting of 18th century”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Social Studies. Art Studies” Series*, no. 4, pp. 112–127.
- Akilova, A.D. (2024), *Russian provincial portrait of the second half of the 18th – mid 19th century: Features of artistic evolution*, PhD Thesis, Moscow, Russia.
- Evangelova, O.S. and Karev, A.A. (1994), *Portretnaya zhivopis' v Rossii vtoroi poloviny XVIII v.* [Portrait painting in Russia in the second half of the 18th century], Izd-vo MGU, Moscow, Russia.
- Gavrin, V.V. (2004), “‘That’s why Urania is older than Clio’: ‘Attributes of scholarship’ in the Russian portrait of the Enlightenment”, *Neprikosovennyi zapas*. no. 6 (38), pp. 101–105.
- Izotova, M. A. (2010), *Ordena i medali Rossii i SSSR* [Orders and medals of Russia and the USSR], Vladis, Rostov on Don, Russia.
- Karev, A.A. (2000), *Portrait image in the context of Russian Art culture of the 18th century: Interspecific portrait issues at the Turn of Baroque and Classicism*, Dr. Sc. Thesis, Moscow, Russia.
- Karev, A.A. (2003), “On the class ideal in the Russian portrait of the 18th century”, *Lomonosov History Journal*, no. 6, pp. 72–92.
- Karev, A.A. (2023), “Portrait painting”, Smirnov, G.K. (ed.), *Istoriya russkogo iskusstva, v 22 t. T. 13: Iskustvo provintsii vtoroi poloviny XVIII veka. V dvukh polutomakh* [History of Russian Art. In 22 vols, vol. 13: Provincial Art of the second half of the 18th century: In 2 half vols.], Gosudarstvennyi institut iskusstvoznaniya, Moscow, Russia, pp. 910–953.
- Kruglov, A.N. (2023a), “Kant’s concept of Enlightenment and its alternatives”, *Kantian Journal*, vol. 42, no. 2, pp. 16–39

- Kruglov, A.N. (2023b), "The Concept of Enlightenment in Russian Philosophy of the 18th century", *KHRISTIANSKOYE CHTENIYE* [Christian Reading], no. 1, pp. 225–245.
- Kulakova, I.P. (2002), "The cabinet as an attribute of intellectual life", *The Philosophical Age, Almanac 22, Human Sciences in the Modern World, part 2*, Saint Petersburg, Russia, pp. 50–55.
- Kulakova, I.P. (2008), "The history of intellectual life and Russian traditional culture. Father's Study in childhood impressions (late 18th – early 20th century)", *Kakoreya: Iz istorii detstva v Rossii i drugikh stranakh. Sb. statei i materialov* [Kakoreya: From the history of childhood in Russia and other countries: Collection of articles and materials], Moscow, Tver, Russia, pp. 47–61.
- Lebedev, A.V. (1993), "The age of Enlightenment and the art of portraiture in the Russian province", *Kul'tura epokhi Prosveshcheniya* [Culture of the Age of Enlightenment.], pp. 179–211, Moscow, Russia.
- Yablonskaya, T.V. (1978), *Classification of the portrait genre in Russia of the 18th century. On the issue of national specifics*, Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
- Zider, R. (1997), *Sotsial'naya istoriya sem'i v Zapadnoi i Tsentral'noi Evrope (konets XVIII – XX v.)* [The social history of the family in Western and Central Europe (late 18th – 20th century)], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Анна Д. Акилова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; pad.1994@mail.ru

Information about the author

Anna D. Akilova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; pad.1994@mail.ru